

А.В. МАНОЙЛО

«ЦВЕТНЫЕ» РЕВОЛЮЦИИ КАК «ОТМЫЧКА ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ»

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию современных технологий «цветных» революций и информационных войн, гибридизирующих мировую политику. «Цветные» революции и информационные войны представляют одну из самых острых угроз национальной безопасности Российской Федерации; более того, по мере приближения выборов 2018 года следует ожидать их активизации. Между тем и «цветные» революции, и информационные войны представляют собой не что иное, как результат применения совершенно определенных политических технологий, имеющих свои точки уязвимости для внешнего воздействия. Высокая степень технологичности современных «цветных» революций и информационных войн является одновременно их сильной стороной и слабостью: при нарушении технологического цикла сценарии «цветных» революций и операции информационной войны разваливаются прямо на глазах.

Ключевые слова: «цветные» революции, информационные войны, политика, стабильность, безопасность, международные отношения, угрозы, противодействие.

«COLOR» REVOLUTIONS AS A «KEY TO DEMOCRACY»

Abstract. This article is devoted to the research of modern technologies of color revolutions and information wars, hybridizing world politics. Color revolutions and information wars are one of the most acute threats to the national security of the Russian Federation; Moreover, as the elections of 2018 approach, we should expect their activation. Meanwhile, both color revolutions and informational wars are nothing more than the result of the application of completely defined political technologies that have their points of vulnerability to external influence. The high degree of technological sophistication of modern color revolutions and information wars is, at the same time, their strengths and weaknesses: when the

МАНОЙЛО Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва

technological cycle is violated, scenarios of color revolutions and information warfare are collapsing right before our eyes.

Keywords: *color revolutions, information wars, politics, stability, security, international relations, threats, counteraction.*

Современная мировая политика, все еще находясь в стадии формирования, уже подвергается мощным процессам гибридизации¹, инструментами которой выступают, как новые факторы и явления (гибридные войны, информационные войны, «цветные» революции, управляемый хаос), так и новые акторы, вторгающиеся в область международной политики из негосударственной сферы – так называемые «акторы вне суверенитета», негосударственные акторы международных отношений. Преимущественной сферой деятельности этой новой категории акторов становятся сегменты мировой политики, в наибольшей степени подверженные гибридизации – международные конфликты и войны нового (гибридного) типа, «цветные» (гибридные) революции, протекающие на фоне нарастающей мировой турбулентности и «управляемого» хаоса.

Даже во внутривнутриполитической борьбе в отдельных странах мира появляются неклассические персонажи, вторгающиеся в сферу привычных взаимоотношений и кардинально ее преобразовывающие под себя, разрывая шаблоны, ниспровергая устои и нарушая традиции. Такие личности не только гибридируют внутреннюю политику своих стран, но и порождают собственный феномен, запускающий механизмы гибридизации политики в мировом масштабе (феномен Дональда Трампа, Уго Чавеса, Лулы да Силва, Владимира Путина).

Все эти факторы в совокупности позволяют утверждать, что современная мировая политика носит гибридный характер, по крайней мере, она стремительно гибридируется. А очагами гибридизации выступают не международные форумы, на которых вырабатываются новые правила игры, а международные конфликты, становящиеся площадкой для применения новейших технологий гибридных войн и «цветных» революций. Именно такие гибридные по своей природе конфликты полыхают сегодня в Сирии, Украине, Ливии, Ираке, Йемене.

Одним из важнейших факторов гибридизации мировой политики сегодня становятся «цветные» революции. В современной мировой и российской политике «цветные» революции – одна из самых актуальных тем, держащих общество в состоянии постоянного напряжения: именно они указаны в новой Стратегии национальной безопасности одной из наиболее опасных угроз безопасности Российской Федерации². Именно «цветная»

¹ Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: Монография / Под ред. П. А. Цыганкова. – М., 2015.

² Карпович О. Г., Манойло А. В. «Цветные» революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., 2015.

революция, получившая странное название «Евромайдана», превратила в 2014 году в руины Украину – некогда процветающую страну, в которой ВВП прирастал на 4 процента в год; именно с «цветной» революции начались вооруженные конфликты в Ливии и Сирии. В Бразилии технологию «цветной» революции, проходившей под маской антикоррупционной кампании, в 2016 году использовали для того, чтобы отстранить президента Дилму Русеф, не желавшую идти на поводу у США.

20 января 2017 года МИД Российской Федерации официально заявил, что политическая ситуация в Венесуэле развивается по сценарию «цветной революции». В частности, российские дипломаты отметили, что «ситуация в Венесуэле продолжает накаляться. Радикальное крыло антиправительственного лагеря, вставшее у руля национального парламента, усилило агрессивную риторику и взяло курс на «гражданское неповиновение». Идет подготовка демонстраций, планируемых на ближайшие дни, которые чреваты (или заранее срежиссированы в таком ключе) столкновениями с правоохранительными органами и провоцированием насилия и жертв»³. Оценка, данная МИД РФ событиям в Венесуэле, полностью соответствует действительности: там действительно применяются технологии «цветных» революций, власть вяло отбивается от оппозиции, а оппозиционные лидеры до сих пор не перехватили стратегическую инициативу в этой борьбе исключительно в силу своей общей серости и убогости. За что их очень сильно критикуют американские кураторы.

Сейчас российские и зарубежные центры либеральной демократии время от времени примеряют сценарий «цветной» революции к России, надеясь ввергнуть в это безумие страну, мужественно отстаивающую свой суверенитет и национальные интересы в условиях беспрецедентного внешнего давления со стороны западных «партнеров». Так, события 26 марта 2017 года как раз и были тестовым испытанием новых технологий «цветных» революций, тонко настроенных на российские условия.

По версии несистемной оппозиции, 26 марта 2017 года в целом ряде городов страны простые люди вышли на митинги против коррупции. Вместе с тем, вышедших на митинги в масштабах 147-миллионной страны было совсем немного – порядка 60 тыс. человек. Среди участников протестных акций было немало молодых людей, в некоторых городах митинговали школьники старших классов.

И вышли они не для того, чтобы выразить искренний протест против коррупции, поскольку никто из этих молодых людей с ней в жизни не сталкивался. Их вывела на улицы технология конфликтной мобилизации, и это значит, что мы имеем дело с типичным управляемым протестом, с технологией, применявшейся при организации «цветных революций», аналогичной той, которая применялась, когда в Киеве собирался «Евромайдан».

³ МИД РФ: в Венесуэле реализуется сценарий «цветной революции». [Электронный документ] / ТАСС, 2017, 20 янв. URL: <http://tass.ru/politika/3958520>

Действительно, даже в деталях эта технология повторяет ту, которая была использована на Украине. За одним очень важным исключением: в прежних сценариях «цветных» революций в качестве базового протестного электората также использовалась молодежь, но ставка делалась на другую возрастную группу – студентов не младших, а старших курсов. Это совершеннолетние молодые люди, которые, тем не менее, не имеют жизненного опыта, легко поддаются на призывы, вовлекаются в самые разнообразные, как принято говорить в их среде, «движухи». Студентами легко манипулировать, на этом технологии «цветных революций» и организации управляемого протеста и основаны.

Но в такой большой стране, как Россия, студенты старших курсов очень разные. И найти для них какой-то общий тренд, общий мотив, который позволил бы вывести большую часть студентов на улицы, чрезвычайно сложно. Они – уже сформировавшиеся личности, у них очень разные взгляды, и эти взгляды далеко не всегда совпадают со взглядами несистемных оппозиционеров.

Школьники для сценария 26 марта были выбраны не случайно: это «сырая», внушаемая аудитория, ее не коснулось влияние пропаганды. Они уже шагнули во взрослую жизнь, но не успели социализироваться. И оппозиция предложила им увлекательную форму социализации – бороться с коррупцией, за все хорошее против всего плохого, за справедливость. Надо отметить, что любые призывы «восстанавливать справедливость» в среде школьников и студентов младших курсов распространяются как вирус. Этим несистемная оппозиция и воспользовалась.

Есть и еще один важный момент. Протесты 26 марта были попыткой создать ситуацию, при которой вышедшие на митинги дети могли пострадать. Даже в том случае, если бы правоохранители не притронулись к ним и пальцем. Достаточно провокации, хлопка, и толпа становится неуправляемой, кого-то могли и задавить. И если бы кто-то из вышедших на митинги детей пострадал, была бы применена известная субтехнология – съемка пострадавших со всех ракурсов и создание легенды о «детской сотне», не дай бог, «небесной». Пострадавшие дети стали бы знаменем, на фоне которого развернулись бы дальнейшие протесты.

К сожалению, со стороны власти продуманная тактика противодействия напрочь отсутствовала: власть и ее представители вели себя пассивно. А оппозиция на фоне этой пассивности и растерянности добилась вполне определенных успехов. Во-первых, несистемной оппозиции удалось организовать и синхронизировать протест сразу во множестве городов под одним зонтичным брендом – борьбой с коррупцией. Во-вторых, вывести на улицы новый электоральный пласт – тех, кто не выходил на Болотную площадь, не попал под обработку социальных групп и страт, протестовавших в 2011–2012 годах. Эта обработка власти удалась, но молодежи,

живущей в социальных сетях и разделяющей сетевые ценности, она не коснулась.

События 26 марта 2017 года стали для власти стресс-тестом. А запустившие «цветные» технологии увидели, что они работают не только в маленьких в сравнении с Россией странах, но и у нас. Таким образом, организаторами были найдены подход, технологическое решение, социальные группы, которые способны увлечь за собой остальных. И следующий запуск этих технологий будет распространен на значительно большее количество социальных групп, на более крупные аудитории.

Однако, несмотря на все стремление повторить украинский майдан, в России у организаторов «цветных революций» это вряд ли получится – мы сумеем себя защитить.

«Цветные» революции – это технологии организации государственных переворотов в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальной схеме⁴. При этом единственной целью любой «цветной» революции является организация государственного переворота, выдаваемого за стихийные протестные явления и массовые акции гражданского неповиновения. Необходимым условием успешности «цветной» революции является обязательное наличие в стране политической нестабильности, способной перерасти в полноценный политический кризис.

Несмотря на существенные различия государств, в которых происходят «цветные» революции, между собой (в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении) все «цветные» революции укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Это прямо указывает на то, что «цветные» революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения. При этом у них есть свои особые отличительные черты: в «цветных» революциях воздействие на власть всегда осуществляется в особой форме политического шантажа; основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

«Цветные» революции только внешне напоминают настоящие революционные движения. В отличие от революций настоящих, вызванных объективным развитием исторического процесса, «цветные» революции – это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Они отличаются почти театральным уровнем драматургии, который западные

⁴ Манойло А. В. «Цветные» революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире / Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evstnik-mgou.ru. № 2. 2015. С. 1–14.

политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной.

«Цветные» революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости. Военная сила для «цветных» революций не является основным инструментом, ее использование носит скорее вынужденный и побочный характер. Тем не менее, нельзя не обратить внимание на тот факт, что современные «цветные» революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель, лежащая в основе «цветной» революции, одна: это создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной. Такое давление на власть почти всегда происходит в форме шантажа, выдвижения ультиматумов под угрозой массовых погромов и реже – физических расправ с инакомыслящими. Если власть начинает сопротивляться, «цветная» революция переходит в фазу вооруженного мятежа. Иногда этот мятеж сопровождается вооруженной интервенцией со стороны западных стран, как это было в Ливии, и едва ли не произошло в Сирии.

В «цветных» революциях используется особая символика, цель которой – запустить механизм распознавания «свой-чужой», благодаря которому участники протестных акций опознают друг друга в политической толпе и одновременно идентифицируют противников, не имеющих соответствующих опознавательных символов (маркеров). На протяжении длительного времени типичным символом «цветных» революционеров были цветы: розы в Грузии, тюльпаны в Киргизии, васильки в Беларуси, жасмин в Тунисе и т.д. Природа происхождения этих цветочных символов и атрибутов предельно проста – она лежит в архетипах исторической памяти американцев, помнящих движение хиппи – «детей цветов», выразивших особым образом свой протест по отношению к государству и проводимой им политике. Это сразу выдает в сценариях «цветных» революций характерный почерк североамериканских англосаксов. Кроме того, в выборе цветочной символики кроется стремление сценаристов «цветных» революций с помощью цветков в руках протестующих женщин, подростков подчеркнуть ненасильственный характер «цветной» революции, и тем самым замаскировать совершающийся государственный переворот.

«Цветные» революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы». Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне «цветные» революции – это несиловые технологии смены политических режимов), вводит в заблуждение, заставляя считать «цветные» революции более мягкой и поэтому более прогрессивной и менее социально опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем

самым разворачивается кампания по пропаганде «цветных» революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. Между тем, «цветные» революции – это не что иное, как организационная форма осуществления государственного шантажа (то есть шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции. Это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов западными странами, которые имеют признаки имитации.

Можно сказать, что американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную на экспорт, но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, и являются технологии «цветных» революций.

* * *

Одним из основных инструментов реализации сценариев «цветных» революций выступают информационные войны и психологические операции. Действительно, информационные войны в современном мире стали одним из основных и уже привычных факторов окружающей нас действительности. Каждый из нас ежедневно оказывается в фокусе действия той или иной информационной атаки, несущей заряд убийственной агрессии, направленной как на общество в целом, так и на сознание каждого человека в отдельности. Технологии информационных войн, основанные на манипулятивном управлении политическим сознанием и поведением граждан, исключительно опасны. Их главная задача – разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель информационной войны – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Высокая эффективность информационных атак и растерянность, являющаяся типичной реакцией большинства стран на акции информационной войны, делает информационные войны одним из основных элементов современных гибридных войн, таких, как война в Сирии или конфликт в Украине.

Технологии информационных войн активно и весьма охотно применяют не только страны Запада (прежде всего, США, где термин «информационная война» официально закреплен в боевом уставе армии США, как часть

психологических операций), но и международными террористическими организациями и группировками, такими как запрещенные в Российской Федерации «Исламское государство» и Аль-Каида⁵. Эти организации по всему миру ищут, вербуют или просто нанимают на работу высококлассных специалистов в области кибервойны и информационного противоборства, которые в информационно-идеологическом поле вполне успешно конкурируют с силами специальных операций стран Запада.

Наиболее часто объектом информационной атаки становятся первые лица государства – президент и премьер. С нападения на них, как правило, информационная война и начинается. Причина предельно проста: первые лица всегда находятся под «прицелом» внимания, они ведут публичный образ жизни, каждый их шаг, каждое их действие или движение рассматривается сквозь лупу. То, что прощается любому публичному политику, даже самому высокопоставленному и известному, почти никогда не прощают лидерам государства: они часто просто не имеют права на ошибку, что в определенном смысле роднит их с саперами. В силу своей публичности именно первые лица государства выступают главными ньюсмейкерами и производят большинство резонансных информационных поводов, которым затем дают свою интерпретацию национальные и зарубежные СМИ.

Информационная война почти всегда разворачивается вокруг первых лиц, их действий, реакций на те или иные события, которые на первоначальном этапе тщательно прощупываются и тестируются с помощью заведомо провокационных вбросов ложной информации, запуска в социальных сетях вирусного контента, распространения слухов и сплетен, способных эмоционально «зацепить» хотя бы одного из первых лиц государства и вызвать его ответную резкую, эмоционально окрашенную реакцию.

* * *

Особую роль в информационных войнах играют средства массовой информации и коммуникации. Они играют роль, с одной стороны, канала доведения информационного воздействия до конкретной целевой аудитории (политических элит, лидеров мнений, широких слоев общественности, политически активной молодежи), с другой – выступают непосредственным участником конфликтного взаимодействия. В современных конфликтах СМИ активно используются как средство дезинформации и пропаганды, инструмент манипулирования общественным мнением, массовым сознанием и поведением граждан и рычаг прямого давления на оппонентов. Именно через так называемые независимые СМИ спецслужбы осуществляют вбросы («контролируемую утечку») информации, компрометирующей их

⁵ Манойло А. В. «Убить котенка», или Как действуют технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Конфликтология / nota bene. № 2. 2015. С. 104–107.

соперников, дестабилизирующей политическую обстановку в различных странах, инициирующей массовые протесты в стиле «цветных» революций. СМИ также имеют обыкновение выдавать непроверенную информацию за достоверную, если в ней содержатся элементы сенсационности, способствуя ее легализации. Экстремисты часто используют СМИ для усиленного разжигания националистических, экстремистских настроений даже в тех регионах, где эти противоречия уже давно не проявлялись; именно прозападные, демократические СМИ формируют романтический образ «цветных» революций в тех странах, где они осуществляются, эти же СМИ затем легитимируют всевозможные хунты, пришедшие к власти. Западные средства массовой информации активно участвуют в формировании образов «стран-изгоев» (в эту категорию попадают все страны, проводящие независимую от США внешнюю политику), провоцируя новые международные конфликты и столкновения.

В качестве субъектов информационных атак часто привлекаются «независимые журналисты», выполняющие политический заказ. Эта темная сторона деятельности современной журналистики связана с тем, что современные СМИ фактически не могут быть независимыми: журналисты зависят от мнения главного редактора и редакционной политики, которая для них является своего рода корпоративной цензурой; редакторы изданий зависят от владельцев СМИ и от спонсоров, которые напрямую диктуют, в каком ракурсе журналисты должны подавать те или иные события; боязнь потерять источники финансирования делает СМИ даже в демократических странах чрезвычайно зависимыми и несвободными. Единственная свобода, которая еще пока остается у журналистов – уволиться, если его собственные взгляды не совпадают с «мнением редакции». Но очень немногие пользуются этим правом, предпочитая путь конформизма.

* * *

Особое внимание заслуживают технологии, применяемые в современных информационных войнах и распространяемые по различным каналам. Наряду с более сложными технологическими схемами в информационных войнах используется целый ряд простых приемов. Наиболее распространен среди них метод «наклеивания ярлыков». Работает он так: в отношении одного из первых лиц государства вбрасывается информация компрометирующего характера, в которой он без каких-либо веских оснований объявляется коррупционером. Первоначальная реакция на такие обвинения, как правило, носит эмоциональный характер: попытка наклеить ярлык коррупционера воспринимается как чушь, дикость, абсурд. Однако ассоциативная связь между личностью политика и образом коррупционера при этом в сознании граждан все же выстраивается, а яркая эмоциональная реакция эту связь закрепляет. В результате, спустя некоторое время,

образы лидера и коррупционера в сознании человека совместятся, и ярлык коррупционера прочно «приклеится» к личности конкретного политика. «Отодрать» или «отмыть» его затем будет очень непросто.

Именно этот прием «наклеивания ярлыков» был использован Западом в информационной войне против лидера российского государства сначала на базе извлеченного из нафталина «Дела Литвиненко», а затем и благодаря известному фильму про коррупцию в России, показанному по британскому телеканалу ВВС-2. Появился даже особый термин – «демонизация Путина», связанный с непрерывным наклеиванием новых ярлыков поверх прежних на один и тот же объект информационных атак.

Не менее распространенным в современных информационных войнах является метод так называемых пробных шаров, которыми прощупываются эмоциональные реакции первых лиц на различные внешние раздражители. Действует он следующим образом: в отношении одного из первых лиц государства выдвигаются обвинения заведомо оскорбительного характера – к примеру, лидера и его страну ни с того ни с сего объявляют угрозой всему демократическому миру и ставят в один ряд, например, с вирусом Эбола и террористической организацией. Обвинения конструируются так, чтобы они вызвали настойчивое желание «мощно ответить», то есть, они служат своего рода приманкой, провоцирующей политика на ответные заявления столь же эмоционального характера. Если провокация удалась, и лидер эмоционально ответил на «обвинения Запада», то объектом информационной атаки становится уже конкретная эмоциональная реакция конкретного лидера, а первоначальные обвинения сразу же «забываются».

Метод «пробных шаров» работает точно и практически без перебоев. Но в его функционировании есть одна особенность: этот метод нуждается в обязательной «обратной связи» от объекта информационной атаки (то есть, от лидера или политика, подвергнувшегося информационному нападению), которая дает возможность организаторам информационной атаки контролировать процесс. Если по каким-то причинам обратная связь теряется, то у нападавших случается настоящая паника. Например, так, как это было перед Олимпиадой в Сочи, когда Президент Российской Федерации на неделю исчез из публичного пространства, а западные политтехнологи, перестав получать от него «обратную связь» на свои информационные выпады, потеряли связь с реальностью и запаниковали.

Довольно часто информационные атаки, в которых в качестве объекта критики фигурирует первое лицо, направлены не на него самого, а на элиты, которые его окружают. Эти элиты в условиях санкций и нарастания международной напряженности могут испытывать различного рода колебания, которые тонко улавливаются организаторами информационных войн и затем умело раскачиваются по принципу маятника. Эта технология была применена в Югославии для свержения Слободана Милошевича:

его фактически сдала собственная элита после того, как ей намекнули, что те, кто будет и дальше поддерживать Милошевича, через некоторое время могут разделить его участь. Относительно недавний фарс с приговором Радовану Караджичу также является информационным поводом, раскручивая который, Запад вполне прозрачно намекает на то, что любой лидер, выступающий против воли США, в конечном счете может повторить участь Милошевича, Караджича, Каддафи.

Именно на российскую политическую элиту был направлен недавний вброс информации о панамских офшорах, получивший название «панамского досье». В центре скандала оказался панамская юридическая фирма «MossackFonseca», занимающаяся разработкой и организационно-правовой поддержкой офшорных схем. Ключевым участником раскручивания скандала стали западные либеральные СМИ, поддержанные некоторыми либеральными СМИ внутри России (такими, как, например, РБК).

В руки так называемых журналистов «Международного консорциума» попала информация, украденная у панамской юридической компании. То есть, «независимые» журналисты стали фактически перекупщиками краденого. В большинстве стран мира за это полагается уголовная статья и реальные сроки. Однако в данном случае новоявленных борцов против офшоров никто не тронул: напротив, на Западе из них сделали героев, попытавшихся поймать за руку на «грязных махинациях» людей, обладающих в современном мире реальной властью и влиянием. Правда, как показал киевский «майдан», «хороший герой – мертвый герой». Об этом журналисты-идеалисты, рискнувшие ради славы (или на возмездной основе) ввязаться в сомнительную игру с явно краплеными картами, вероятно, забыли. Саму кражу, как обычно, «повесили» на неустановленного «осведомителя» немецкой Федеральной разведывательной службы Германии (БНД), который по заданию все той же разведки искал в панамских офшорах следы деятельности немецких граждан, уклоняющихся от налогов, а наткнулся на след, ведущий к президентам Украины, Аргентины и едва ли не в сам Белый дом. Именно эту информацию на неграждан Германии БНД добросовестно «слила» СМИ, компенсировав тем самым расходы, выплаченные осведомителю. Что ж, в условиях острого миграционного кризиса в Европе и разведчикам жить на что-то надо.

Любопытно, что если бы подобного рода материалы передал журналистам Эдвард Сноуден или любой другой его идейный последователь, возмущенные граждане США порвали бы его «на британский флаг», заклеили предателем национальных интересов и вечным позором. Здесь же наблюдается полная тишина: никто не возмущается, мягко говоря, сомнительным происхождением «панамского досье», потому что это может посеять сомнения по поводу их подлинности. Это наводит на мысль, что в случае с «панамским досье» мы имеем дело с хорошо сделанным фальсификатом, в который ради создания иллюзии достоверности

вложены подлинные документы, раскрывающие реально существующие офшорные схемы ряда заметных (но не крупных) европейских политиков и бизнесменов. И все это вбрасывается по схеме, блестяще отработанной на практике на примере проекта WikiLeaks.

Кстати, именно WikiLeaks всего через три дня после начала «панамгейта» заявил, что «скандал с панамским офшором заказан Вашингтоном и направлен против Путина». Это такая типичная для информационных операций «повторная подсветка» исходного события с «правильной» (корректирующей) его интерпретацией: тем, кто не понял, добрые дяди из Лэнгли доходчиво объяснили, что связь «панамского досье» с первыми лицами российского государства существует, эта связь прямая и явная.

В стратегическом плане цель развязанной против России информационной войны довольно проста: любыми способами расшатать и расколоть российскую политическую элиту. Скандал с офшорами – тот самый инструмент, который реально способен ее расколоть: одна часть ее будет в значительной степени деморализована и запугана, другая – наоборот, перевозбуждена и настроена на «решительный отпор». В ситуации экономического кризиса и сильного внешнеполитического давления такой психологический диссонанс между сторонниками прекращения конфликта с Западом и теми, кто готов немедленно нанести по «врагу» превентивный удар, может привести к расколу со всеми вытекающими последствиями. Уже сейчас в действиях элиты просматриваются попытки организовать «кавалерийскую контратаку» на западные центры информационной войны – попытки, плохо скоординированные и, следовательно, имеющие большой шанс угодить в умело расставленную ловушку или повестись на провокацию. Постоянное напряжение в этом вопросе поддерживает сам фактор неизвестности: никто не знает, какие именно материалы будут во второй части «панамского досье», и каждый примеряет это досье на себя. А, как известно, ожидание смерти – хуже самой смерти. Тем более что «честные журналисты» из «Международного консорциума журналистских расследований» (ICIJ) уже поспешили заявить, что раскроют материалы и по другим офшорным зонам, но ради интриги не уточнили, каким именно.

При всей своей опасности, информационные войны все же не являются «смертельным оружием»: в этой войне побеждает тот, кто умеет предсказать действия своих противников на несколько шагов вперед, и затем нанести удар, который не ожидают. Как, к примеру, в Сирии. В этом плане особого внимания заслуживает деятельность российских каналов инновационного вещания, таких как RT и «Спутник», которые успешно доводят российскую точку зрения до зарубежных (в том числе западных) аудиторий: RT смотрят даже в США, что вызывает озабоченность Государственного департамента. Не случайно относительно недавно государственный секретарь США Джон Керри, выступая в Конгрессе, заявил, что «русские СМИ работают настолько эффективно, что они уже влияют на формирование обществен-

ного мнения в самих Соединенных Штатах», и «нам надо создать такие же СМИ, способные противостоять русской пропаганде»⁶.

В заключение стоит отметить, что современная мировая политика – явление, очень динамично развивающееся и, одновременно, все еще весьма нестабильное и неустоявшееся. Ее возникновение вызвано массовым вторжением в международную политику негосударственных акторов. Однако мировая политика сегодня не просто продолжает формироваться, она стремительно гибридируется, поскольку в сферу политики, «отвоеванной» у классических вестфальских акторов «актерами вне суверенитета», начинают вторгаться новые «игроки», порожденные информационными войнами, «цветными» революциями и управляемым хаосом. Гибридизация и без того еще окончательно не завершившегося процесса формирования мировой политики носит сложный и противоречивый характер: часто это приводит к архаизации международно-политических отношений, то есть вместо прогресса наблюдается регресс. Вместе с тем именно в процессе гибридизации мировой политики роль и функции национальных государств получают новое содержание, определяющие смысл их существования в новых условиях.

Список литературы

1. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / под ред. П. А. Цыганкова. – М., 2015.
2. Карпович О. Г., Манойло А. В. «Цветные» революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., 2015.
3. Манойло А. В. «Цветные» революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире / Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. 2015. № 2.
4. Манойло А. В. «Убить котенка», или как действуют технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Конфликтология / nota bene. 2015. № 2.
5. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Под общ. ред. И. В. Бочарникова. М., 2016.
6. МИД РФ: в Венесуэле реализуется сценарий «цветной революции». [Электронный документ] / ТАСС, 2017, 20 янв. URL: <http://tass.ru/politika/3958520>

⁶ См.: Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук. Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н. Э. Баумана / Под общ. ред. И. В. Бочарникова. – М., 2016. С. 134–150.